

в воздухе, не долетая до земли. Единственная солидная металлическая деталь — это сам мотор М-II.

Потом уже, под конец войны, нам дали парашюты и поставили пулемет в кабине штурмана, а до этого не было никакого оружия, четыре бомбодержателя под нижними плоскостями — и все.

Вы спрашиваете, как мы выдерживали? Я вам расскажу...

Перед уходом на пенсию я заболела от одной этой мысли: как это я не буду работать? Приехал врач, сделали мне кардиограмму, и меня спрашивают:

— Вы когда перенесли инфаркт?

— Какой инфаркт?

— У вас все сердце в рубцах.

А эти рубцы, видно, с войны. Ты заходишь на цель, тебя всю трясет. Все тело покрывается дрожью, потому что внизу огонь: истребители стреляют, зенитки расстреливают... Несколько девушек вынуждены были уйти из полка, не выдержали. Летали мы в основном ночью. Какое-то время нас попробовали посылать на задания днем, но тут же отказались от этой затеи. Наши «По-2» подстреливали из винтовки...

Делали до двенадцати вылетов за ночь. Я видела Покрышкина, когда он прилетал из боевого полета. Это был крепкий мужчина, ему не двадцать лет и не двадцать три, как нам: пока самолет заправляли, техник успевал снять с него рубашку и выкрутить. С нее текло, как будто он под дождем был. Можете себе представить, что было с нами. Прилетишь и не можешь даже из кабины выйти, нас вытаскивали. Не могли даже планшет нести, тянули по земле.

Самолет после выполнения задания оставался на земле несколько минут и снова — в воздух. Представьте себе наших девушек-оружейниц! Им надо было за эти несколько минут четыре бомбы — это четыре сотни килограммов — подвесить к машине вручную. Организм до такой степени перестраивался, что мы всю войну женщинами не были... Никаких у нас женских дел не было... Ну, вы сами понимаете... А после войны не все смогли родить...

Мы все курили. И я курила, такое чувство, что ты немножко успокаиваешься. Прилетишь — тебя всю трясет, закуришь — успокоишься. Ходили мы в брюках, гимнастерке, зимой еще меховая куртка. Поневоле и в походке, и в движениях появлялось что-то мужское. Когда кончилась война, нам сшили платья хаки. Мы вдруг почувствовали, что мы девчонки...

Триста шестьдесят пять боевых вылетов сделала штурман Александра Семеновна Попова. Летала на Керчь, Севастополь, Брест, Варшаву, Берлин. После войны тридцать лет работала геологом. В пятьдесят лет поступила во второй институт и окончила его. Стала историком. «Увидела, что с годами не могу быть хорошим геологом. Хороший геолог всегда в поле, а у меня уж и силы не те. Работаю сейчас учительницей. Там молодежь, а с ней никогда не состаришься. Из нашего полка Женя Жигуленко в пятьдесят четыре года поступила во ВГИК и окончила режиссерский факультет. Сейчас снимает фильм о нашем полку. Вот какие у нас девчата...»

С Софьей Адамовной Кунцевич мы встретились через несколько дней после вручения ей золотой Международной медали «Флоренс Найтингейл». Она ждала меня в библиотеке Минского технологического института, где работает вот уже тридцать лет: «Все давно разойдется, а я сижу, всегда работа найдется. В квартиру приду — одна, а тут — с книгами...» Подарки, диплом и сама Золотая медаль хранятся тут же, в ящиках

142 с книжными карточками. Здесь и военные фотографии, сбереженные фронтовые газеты: «Вся моя жизнь, я вам признаюсь, здесь. На людях...»
Софья Адамовна Кунцевич, старшина, санинструктор стрелковой роты:

«Молодые пришли меня поздравлять и удивляются: «Как это вы могли вытащить сто сорок семь раненых? Посмотришь: такая худенькая на военных фотографиях...» Да я их, может, двести вытащила, кто тогда считал. Мне это и в голову не приходило, мы этого не понимали. Идет бой, люди истекают кровью, а я буду сидеть и записывать. Я никогда не дождалась, когда кончится атака, я ползала во время боя и подбирала раненых. Если у него осколочное ранение, а я приползу к нему через час-два, то мне там нечего делать, человек останется без крови. Три раза раненная и три раза контуженная. На войне кто о чем мечтал: кто домой вернуться, кто дойти до Берлина, а я одного хотела — дожить бы до дня рождения, чтобы мне исполнилось восемнадцать лет. Почему-то мне страшно было умереть раньше, не дожить даже до восемнадцати. Ходила я в брюках, в пилотке, всегда оборванная, потому что всегда на коленках ползешь, да еще под тяжестью раненого. Не верилось, что когда-нибудь можно будет встать и идти по земле, а не ползти. Это мечта была. Приехал как-то командир дивизии, увидел меня и спрашивает: «А что это у вас за подросток? Что вы его держите? Его бы надо послать учиться...»

Помню, не хватает бинтов... Такие страшные пулевые ранения, что кладешь на рану пакет. С себя все нижее разорвала и ребятам говорю: «Давайте снимайте кальсоны, нижние рубашки, у меня люди погибают». Они снимали, порвали на куски. Я их не стеснялась, вот как будто с братьями, мальчишкой среди них жила. Идем, держимся втроем за руки, и средний спит час-два. Потом меняемся.

Год назад пригласили меня в Югославию, я увидела там столько знакомых могил... Там на фотографиях такие молодые лица... Все они в земле... Я там перед каждой могилой на колени становилась...»

Клара Семеновна Тихонович, сержант, зенитчица, с мамой, младшим братом и сестрой. 1941 г.

Как-то сошлись, а вернее съехались — из Минска, из Борисова, из Витебска — в моем редакционном кабинете четыре когда-то военных женщины: Клара Семеновна Тихонович, Мария Нестеровна Кузьменко, Клара Васильевна Гончарова и Мария Семеновна Калиберда. Говорили, вспоминали обо всем, а в конце — об интимном, женском. И это интимное, маленькое вдруг по-человечески подсветило высокое. С убеждением, что это что-то больше просто быта, просто женского разговора, включаю я эти доверительные откровения в общее повествование.

Клара Семеновна Тихонович, сержант, зенитчица:

«Мне недавно один из молодых говорит, что это было мужское желание — пойти воевать. Нет, это было человеческое желание. Шла война, я жила обыкновенной жизнью, но соседка получила письмо — мужа ранило, лежит в госпитале. Я подумала: «Он ранен, а вместо него кто?» Пришел один без руки — вместо него кто? Второй вернулся без ноги — вместо него кто? Я писала, просила, умоляла взять меня в армию. Так мы воспитывались, что без нас ничего не должно быть. Раз началась война, мы обязаны чем-то помочь. Нужны медсестры, значит, надо идти в медсестры. Нужны зенитчицы, значит, надо идти в зенитчицы. А то, что ты чувствуешь, то, что тебе придется перенести, это уже другое дело.

Хотели ли мы на фронте быть похожими на мужчин? Первое время очень хотели: сделали короткие стрижки, даже походки изменили. А потом нет, шиш! Потом так захотелось краситься, сахар не ешь, а бережешь, чтобы челочку им накрахмалить. Мы были счастливы, когда доставали котелок воды вымыть голову. Если долго шли, искали мягкой травы. Рвали ее и ноги натирали, они у нас зеленые были. Мы же свои особенности имели, девчонки. Хорошо, если старшина был пожилой человек и все понимал, не забирал из вещмешка лишнее белье, а если молодой, обязательно выбросит лишнее. А какое оно лишнее для девчонок, которым надо бывает два раза в день переодеться. Мы отрывали рукава от нижних рубашек, а их ведь только две. Это только четыре рукава...»

Клара Васильевна Гончарова, зенитчица:

«До войны я любила все военное. Обращалась в авиационное училище, чтобы прислали правила приема. Мне шла военная форма. Любила строй,

Клара Васильевна Гончарова, зенитчица. 1945 г.

Мария Нестеровна Кузьменко, старший сержант, оружейница. 1943 г.

